

УДК 82–32

Л. А. Спиридонова

Спиридонова Лидия Алексеевна — доктор филологических наук,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН),
spirid@mail.ru

ГОРЬКИЙ И ФИЛОСОФИЯ ПРАГМАТИЗМА*

В работе показано, как в начале 1900-х гг. М. Горький знакомился и по-своему перерабатывал идеи философии прагматизма, известные ему ранее и представшие перед ним в период его пребывания в США. Автор статьи утверждает, что в 1910-х гг. Горький критически отнесся к попыткам утвердить и в России «новое понимание целей и ценностей человеческой жизни и культуры», основанное на безусловной гипертрофии личности. Демократ и коллективист, он по-прежнему верил в необходимость революционного изменения жизни, а не ее реформирования.
Ключевые слова: русская литература XX века, М. Горький, философия прагматизма

Spiridonova L. A.**GORKY AND THE PHILOSOPHY OF PRAGMATISM**

The paper shows how in the early 1900s M. Gorky met and in his own way reworked the ideas of the philosophy of pragmatism, known to him earlier and presented to him during his stay in the United States. The author argues that in the 1910s Gorky critically reacted to the attempts to assert in Russia “a new understanding of the goals and values of human life and culture”, based on unconditional hypertrophy of the individual. A democrat and a collectivist, he still believed in the need for a revolutionary change in life, not reform it.

Keywords: Russian literature of the twentieth century, Maxim Gorky, the philosophy of pragmatism

Известно, что побывав в Америке в 1906 г., Горький на всю жизнь проникся неприязнью к американскому образу жизни и морали, а также к реформизму в политике и так называемой «буржуазной демократии». Об этом свидетельствуют не только широко известные циклы памфлетов «В Америке» и «Мои интервью», но и его признания в письмах из Саммер Брук, имения П. и Д. Мартин в горах Адирондаки. Около 12 (25) августа 1906 г. он писал И. П. Ладъжникову: «Знаете, что я Вам скажу? Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастиях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими» [4, с. 202]. В том же письме Горький сообщил, что кончает новую повесть.

Речь идет о первой редакции повести «Мать», в которой писатель пытался показать, как растет новое сознание у русских рабочих, как развиваются и крепнут в народе идеи социализма. Поэтому его особенно интересовало, как решаются вопросы веры и религии в Новом Свете, каковы там новейшие философские течения и социалистические идеи. Около 14 (27) августа 1906 г. в письме К. П. Пятницкому Горький рассказал о своей жизни в «местности, именуемой Адирондакс»: «В миле от нас — философская школа. Вокруг живут профессора и, пользуясь вакансиями, зарабатывают деньги. Читают лекции по всем наукам. Вы платите 10 дол/ларов/ в неделю и слушаете шесть лекций, за это вас еще и кормят, но преимущественно травой» [4, с. 203].

О содержании этих лекций Горький сообщил Л. Андрееву в юмористическом тоне:

«Можно ездить в Америку для того только, чтоб побеседовать с профессором психологии. В грустный час ты садишься на пароход и, проболтавшись шесть дней в океане, вылезает в Америке. Подходит профессор и, не предлагая понести твой чемодан, — что он, вероятно мог бы сделать артистически, — спрашивает, заглядывая своим левым глазом в свою же правую ноздрю:

— Полагаете ли Вы, сэр, что душа бессмертна?

И если ты не умрешь со смеха, спрашивает еще:

— Разумна ли она, сэр?» [4, с. 199–200].

Речь идет о знакомстве писателя с представителями распространенной в США философской школы прагматизма, возникшей в конце XIX — начале XX века. В том же письме Л. Андрееву Горький похвастался:

«Я здесь все видел — М. Твена, гарвардский университет, миллионеров, Гиддингса и Марка Хама, социалистов и полевых мышей. <... > Еще хороши в Америке профессора, а особенно психологи. Из всех дураков, которые потому именно глупы, что считают себя умными, эти самые совершенные» [4, с. 199].

Приехав в США 28 марта (10 апреля) 1906 г. Горький к августу, действительно, успел познакомиться с писателями Марком Твенем и Гербертом Уэллсом, поэтом Эдвином Маркхэмом, профессором Колумбийского университета Ф. Гиддингсом, по-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Максим Горький как мировое явление. Роль Горького в литературе, критике, публицистике, политике, культуре и искусстве, театре, кино, современной инфосфере» № 18–012–00158.

бывать в Гарвардском университете Кэмбриджа, побеседовать с президентом университета Ч. У. Эллиотом и профессором У. Джемсом. Американский философ и психолог Уильям Джемс (1842–1910) был одним из основателей прагматизма в американской философии. Профессор психологии Гарвардского университета в 1889–1907 гг., он был автором трудов «Основания психологии» (т. 1–2. 1890), «Многообразие религиозного опыта» (1902), «Прагматизм» (1907) и многих других. В России Горький мог познакомиться с его работами «Психология» (СПб.: Знание, 1902) и «Зависимость веры от воли» (СПб., 1904), переведенными на русский язык.

В 1904 г. У. Джемса вторично избрали президентом Американской психологической ассоциации, что свидетельствовало о его неоспоримом авторитете среди американских ученых. Горький вновь увидел его в августе среди лекторов философской школы. 19 августа (1 сентября) 1906 г. он сообщил Е. П. Пешковой:

«Недалеко от нас — философская школа, коя функционирует только летом три месяца в году. Ее основал профессор Дьюи. Читают в ней случайные люди, систематических курсов нет. Недавно читал Джемс, психолог, которого здесь чтут как звезду первой величины. Познакомился с ним — ничего, старик славный. Очень хорош Гиддингс, социолог, мы с ним в дружбе» [4, с. 212].

Известный американский философ Джон Дьюи (1859–1952) был не менее У. Джемса популярен в США. Один из идеологов прагматизма, он прославился как основатель Чикагской школы инструментализма, которая к 1903 г. переживала расцвет своей деятельности. Профессор и декан факультета философии, психологии и педагогики в Чикагском университете, а с 1904 г. — профессор Колумбийского университета Нью-Йорка, он был организатором множества «школ-лабораторий», разбросанных по всей стране. Широко известны были его книги «Психология» (1886), «Этика демократии» (1888), «Исследования по теоретической логике» (1903) и др. Можно предположить, что философская школа, организованная им в горах Адирондаки, не случайно привлекла внимание Горького.

Прежде всего его заинтересовать философская концепция прагматизма. В центре ее находится человеческая личность с ее конкретными интересами и переживаниями. Отвергая традиционные понятия философии (противопоставление духа и материи, души и тела), прагматисты утверждали плюрализм и теорию эмоций. Задаваясь вопросом, существует ли сознание, они рассматривали его как поток мышления, а психику как поток сознания. Понятие истины при этом подменялось принципом «полезного действия», которое, выражаясь в «опыте», ведет человека по пути наилучшего достижения своей цели.

Рассуждая о том, что мысль — это функция познания, прагматисты пытались определить по-

нятие «сверхчеловеческой личности», которая призвана исполнять те человеческие намерения, которые имеют особую ценность. А поскольку все в руках самого человека, истина — это синтетическое обозначение ценностей, действующих в «опыте». При этом «чистый опыт» имеет два аспекта: материальный и духовный. Допуская возможность существования Абсолюта, прагматисты рассматривали религию как вторжение подсознательного в нашу жизнь и результат свободного выбора человека.

Нетрудно заметить, что некоторые стороны философии прагматизма были не чужды Горькому. Певец Человека с большой буквы, он всегда ратовал за свободу волеизъявления и свободу мысли. Мечтая о создании идеального человека будущего, который сделает жизнь справедливой и чистой, писатель утверждал:

«Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он — все. Он создал даже Бога» [1, с. 377].

В письме И. Репину 24 ноября 1899 г. Горький писал:

«А человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается больше, чем в свободе передвижения. Никому не подчиняться — это счастье, не правда ли? Быть хозяином своей души и не принимать в нее чужого, нахально сорящего там свое» [1, с. 377].

Утверждая в пьесе «На дне» (1902) идею Человека с большой буквы, Горький не только развивал мысль Ф. Ницше о «сверхчеловеке», но и предвосхищал идеи прагматизма. Выразитель взглядов автора Сатин заявляет: «Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга!» [1, с. 177]. Еще более откровенно признание писателя в письме 17 (30) сентября 1908 г. С. С. Кондурушкину: «Полагаю, что Бог — в ощущении человеком жизни вселенской как гармонии и единства...» [4, с. 258].

В центре раннего творчества Горького человек незаурядный, свободолюбивый и яркий, герой «с солнцем в крови». По мнению писателя, только такие люди способны ускорить движение жизни, разрубить ее сложные узлы и создать новое общество. «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» — основной постулат его раннего творчества [2, с. 47]. Утверждение самоценности свободной человеческой личности, доминирующее в произведениях Горького, сближает его с основным постулатом прагматизма.

Можно назвать еще одну идею У. Джемса, которая была близка Горькому. В лекции «Великие люди и их окружение» американский философ говорил о тесной связи личности и окружающей ее среды. По его мнению, изменения в обществе происходят в основном под влиянием великих личностей, гениев. Мысль о движущих силах истории волновала Горького на протяжении всей жизни. Его библиотека свидетельствует, что его всегда интересовали «мировые знаменитости», способные изме-

нить течение истории или оставить в ней яркий след. В личной библиотеке писателя сохранились книги А. Вандаля о Наполеоне и Александре I, Ф. Гаррисона об Оливере Кромвелле, М. Минье о Марии Стюарт, очерки А. К. Бороздина о протопопе Аввакуме, биографии русских полководцев, книга Шель Фетингофа «Мировые знаменитости». Здесь же популярные «Сравнительные жизнеописания Плутарха» и даже «Знаменитые авантюристы XVII века».

Иными словами, изучая жизнь и деятельность великих людей, оставивших заметный след в истории, Горький пытался ответить на вопрос, что движет мировым историческим процессом и какова роль личности в нем. Написанные позднее художественные очерки Горького о В. Ленине, Л. Толстом, Л. Андрееве, Л. Красине, В. Короленко и многих других политических и общественных деятелях, писателях и революционерах отразили итог его раздумий. Мастерски сделанные портреты вождя партии большевиков Ленина и духовного вождя русской нации Л. Толстого свидетельствуют, что Горький воплощал в них свою заветную мечту о великом человеке. Характерно, что первая редакция очерка «В.И. Ленин» называлась «Человек».

Но в отличие от У. Джемса, Горький считал, что изменения в обществе происходят не только благодаря работе гениальных личностей, но и под влиянием деятельности масс. Движущей силой прогресса он считал «организующую силу труда» и постоянно отмечал роль народа в истории. Поэтому он критически относился к концепции культа «избранных» в книгах Т. Карлейля, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Впоследствии он признался: «Я был человеком “толпы”, и “герои” Лаврова-Михайловского и Карлейля не увлекли меня» [6, с. 319]. Что касается У. Джемса, он фактически развивал основную мысль Карлейля из книги «Герои и героическое в истории», что всемирная история — это в сущности история «великих людей», а массы, не способные определить направление исторического процесса, могут быть лишь орудием в руках отдельных личностей.

Герой Горького — новый человек, социалист и революционер, тесно связанный с народом, который, пробуждаясь от сна, «поднимается разумом». В одной из лекций, которые Горький читал рабочим-пропагандистам на Капри в 1909 году, он задавал вопрос: «Может ли вообще у человека нового не быть никакого интереса к людям прошлого?» — и сам ответил: «Разумеется, нет: это невозможно психофизиологически, ибо новый человек рождается не в безвоздушном пространстве, а в известной социальной среде, в более или менее тесном кругу идей, традиций, предрассудков...» [8, с. 209, 235]. Можно сказать, что соглашаясь с американским философом, говорившим о связи личности и среды, и отдавая дань его «психофизиологии», Горький исходил в оценке событий истории из других принципов. Вера в необходимость революционных преобразований в России (т. е. кардинальное изменение социальной среды) сочеталась у него со столь же

искренней верой в нового человека, способного повернуть ход истории.

Тем не менее, признавая воздействие великих личностей на ход истории, Горький несколько не отрицал и даже пропагандировал необходимость изучения жизни и фактов биографий таких людей. В 1916 году он задумал серию книг для детей о «знаменитостях» и уговаривал крупнейших европейских писателей участвовать в ней. Р. Роллану он предлагал написать книгу о Бетховене, Г. Уэллсу — биографию Эдиссона, Ф. Нансену книгу о Х. Колумбе, Х. Н. Бялику — описать жизнь Моисея. Предполагались книги о Жанне д'Арк, Франциске Ассизской и Сократе. Этот замысел не был реализован из-за революции в России. Но Горький вернулся к нему в годы советской власти, основав серию «Жизнь замечательных людей», существующую доныне.

«Наши убеждения суть фактические правила для действия», — утверждал У. Джемс в работе «Воля к вере» (1897). Он доказывал, что верования и убеждения человека играют огромную роль в его практической жизни. Джемс разработал теорию познавательной деятельности и этическое учение о вере, которая является средством, помогающим людям в решении их проблем. И хотя прагматизм базировался на «опыте» как критерии истины, У. Джемс поддерживал и веру в Бога. В книге «Многообразии религиозного опыта» (1902) он рассматривал религиозную веру как средство установления связи между человеком и миром. Выбор веры он предоставлял самому человеку, а истинной, по мнению автора, является та вера, которая пробуждает активные импульсы человека.

Нет сомнения, что с этой книгой американского философа Горький был знаком, ибо узнал о ее содержании, будучи в Америке. В очерке «Город Мамоны», опубликованном в 1906 г. в журнале «Appleton's Magazine» на английском языке (№ 8), он писал о «превосходном произведении» Джемса, которое заставляет мыслить. Правда, писатель назвал его «Философией религии», видимо не зная точного названия книги. Он писал: «Вот хороший пример пробуждения духа “человеческой жизни” в этой молодой энергичной стране, страдающей от золотой лихорадки» [1, с. 443].

Сама мысль о многообразии религиозного «опыта» вызывала у Горького интерес, т. к. работая над повестью «Мать», он размышлял о том, что в России традиционная христианская религия постепенно вытесняется в сознании людей верой в социализм. У. Джемс утверждал, что целью религии должно быть стремление помочь людям обрести позитивное и уверенное отношение к жизни. Она должна способствовать возникновению у человека верных представлений о себе и окружающем. Он определял католицизм как религию душевного здоровья, а кальвинизм как религию страждущей души.

Создавая в повести «Мать» новое «евангелие для пролетариата», писатель с иронией относился к попыткам прагматистов приспособить веру в Бога

к реальным потребностям американского бизнесмена. В упомянутом выше письме Л. Андрееву из США он иронизирует:

«Интересна здесь проституция и религия. Религия — предмет комфорта. К попу приходит один из верующих и говорит:

— Я слушал Вас три года, сэр, и Вы меня вполне удовлетворяли. Я люблю, чтобы мне говорили в церкви о небе, ангелах, будущей жизни на небесах, о мирном и кротком, Но, сэр, в последнее время в Ваших речах звучит недовольство жизнью. Это не годится для меня. В церкви я хочу найти отдых... Я — бизнесмен, человек дела. И мне необходим отдых. И поэтому Вы сделаете очень хорошо, сэр, если перестанете говорить о... трудном в жизни... или уйдете из церкви...» [4, с. 200].

Еще более циничен герой горьковского очерка «Один из королей республики» — американский миллионер. На вопрос, как он относится к религии, «король» отвечает: «Религия — это необходимо народу. <...> Религия — масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста...» [6, с. 200, 202]. Считая себя способным управлять всем миром, герой Горького больше всего ненавидит социалистов, считая их слугами Дьявола. «Социалисты — песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов. <...> Для этого все его члены должны быть избираемы в среде миллионеров. Так!» [1, с. 203]. Рисуя обобщенный сатирический портрет американского миллионера, Горький пишет: «...это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его у большой темной пасти, и эта пасть сосет, грызет и жует нашу планету...» [1, с. 195].

Как мы видим, знакомясь с новейшими философскими течениями в Америке, Горький относился критически к тем идеям, которые расходились с его собственными убеждениями. Рассказывая о росте революционного сознания у русских рабочих в повести «Мать», он изображал своих героев как апостолов новой веры, апостолов социализма. Около 16 (29) июня он сообщил одному из основателей американской социалистической партии Морису Хилквиту: «Сейчас пишу большую повесть “Мать” — это хроника роста революционного социализма среди рабочих фабрики. Вот, пускай американцы купят и поучатся у русских рабочих — понимать социализм» [4, с. 194].

Сам писатель понимал социализм не так, как ортодоксальные большевики-ленинцы. Это стало ясно, когда, уехав из Америки, он примкнул на Капри к группе А. А. Богданова «Вперед», которую В. Ленин называл антипартийной фракцией и упрекал в идеализме. Об этом свидетельствует известная ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм». Осмысляя итоги 1905 г., Горький пришел

к выводу, что само понятие «революция» следует углубить и расширить, включив в него идею духовного обновления человека посредством новой веры. Не без влияния доктрин прагматизма, он руководствовался практической задачей: невозможно перестроить Россию, народ которой исповедует христианство, если не заменить его в общественном сознании верой в социализм.

Считая социализм новой религией, с чем никак не мог согласиться Ленин, Горький ратовал не за насильственное подавление буржуазии в ходе классово-вой борьбы, а за гармонизацию мира и самого человека в процессе творчества новой жизни. Он писал Е. П. Пешковой из Америки: «Должен сказать тебе — я здесь многое понял и между прочим понял, что до сей поры я — революционером не был. Я только становлюсь им. Те люди, которых мы привыкли считать революционерами — только реформаторы. Самое понятие революция — должно углубить. И возможно!» [4, с. 210].

Размышляя о путях обновления мира, Горький развивал мысль о духовном «воскресении» русского народа, расширив тем самым понятие революция. Главная героиня повести «Мать» — «душа воскресшая». Неграмотная темная женщина, она начинает понимать новую правду сына. Павел Власов — образ социалиста — сеятеля, который пропагандирует идеи социализма среди рабочих фабрики. Падая на добрую почву, эти семена дают обильные всходы. Первомайскую демонстрацию Горький сравнивает в повести с крестным ходом. Андрей Находка обращается к толпе перед началом движения: «Мы пошли теперь крестным ходом во имя бога нового, бога света и правды, бога разума и добра! Далеко от нас цель, терновые венки близко» [2, с. 153].

Чтобы понять, какого бога имеет в виду Горький, обратимся к его письму «социалистической леди» графине Ф. Э. Уоррик 19 апреля 1906 г. из Нью-Йорка: «Богатство и власть, честный ум и отзывчивое сердце — всё должно идти прямой и честной дорогой к свободе! — всё должно служить великому делу возрождения жизни, делу Всемирной Революции, которая поднимет нации от рабства к равенству, братству, радости жизни, которая должна стать праздником для всех; если же это будет не так, то это будет уродливая комедия, сознательно участвовать в которой было бы низостью. Да здравствует эта новая религия, которая освобождает бедных от оков бедности, а богатых — от позорного бремени золота и предрассудков» [4, с. 168].

Как мы видим, считая социалистическую идею одной из форм религии, Горький вкладывал в это понятие свои собственные мысли о Человеке с большой буквы и духовном «воскресении» народа. Сблизившись с А. Богдановым, В. Базаровым и А. Луначарским, Горький попытался еще теснее связать социализм с религией и стал исповедовать идею богостроительства, поисков нового бога. Это проявилось уже во второй редакции «Матери», написанной на Капри, и еще более откровенно — в по-

вести «Исповедь» (1908). Богом стал для писателя не только революционный пролетариат, но и весь трудовой люд, «бог-народушка». По мысли писателя, именно он, объединившись в коллектив единомышленников, сплоченный новой верой, способен стать рядом с Богом и творить чудеса.

Можно сказать, что знакомство Горького с новейшими концепциями европейской и американской философии, привело его, с одной стороны, к проповеди богостроительства и идеализации народа, а с другой — повысило интерес к психологии масс и объяснению непознаваемого. Предполагая, что материя при определенных условиях может превращаться в энергию, он в чем-то разделял взгляды прагматистов. Исследуя взаимосвязь и взаимоотталкивание Уильяма Джемса и Горького, зарубежные исследователи замечают синхронность их духовных поисков не только в постижении мира и человека, но и в определении таких понятий, как «истина», «энергия», «гармония», «опыт». Б. Шерр считает, что объяснение сущности Бога и религии, данное Джемсом, во многом напоминает горьковское, ибо для того и другого внутренняя правда начинается с поиска единства человека и природы, гармонического устройства мира.

Он пишет: «Джемс использует Бога как психологическую и философскую конструкцию, Горький использует это понятие в социальных и исторических целях. Для обоих тем не менее вера важна не потому, что может объяснить фактическую природу вещей (хотя согласно Джемсу вера в Бога может быть точным представлением сути вещей), но как способ расширения человеческих способностей» [10, с. 202]. В повести «Исповедь» Горький изображает крестный ход, во время которого эманация коллективной воли народа исцеляет парализованную девушку.

Однако, отмечая бесспорный интерес Горького к исследованию психологии толпы (достаточно сказать, что еще в России он прочитал «Психологию» У. Джемса, изданную «Знанием» в 1902 г.), укажем на его явную несовместимость со многими принципами прагматизма. Идеи не были для писателя лишь инструментом для практики. Критикуя бездуховность общественной жизни Америки, он писал К. П. Пятницкому: «Джемс — славный старикан, но — тоже американец. Ах, чёрт их возьми! Это курьезные люди, особенно когда они называют себя социалистами» [4, с. 204].

Горького раздражал в Америке не только культ доллара и погоня за прибылью любой ценой, но более всего — отсутствие жизни духа, невнимание к человеку труда. «Машина, холодная, невидимая нерассуждающая машина, в которой человек — только ничтожный винт! Я люблю энергию, я преклоняюсь перед ней. Но не тогда, когда люди тратят свою созидательную силу на собственную погибель» [1, с. 432]. Сомневаясь в существовании в Америке настоящей демократии, писатель не признает и американской свободы. «Эта свобода — орудие в руках

Желтого Дьявола — золота. Свободы внутренней, свободы духа и сердца — не видно в их энергичных лицах. Эта энергия без свободы напоминает холодный блеск нового ножа, который еще не успели иступить, лоск новой веревки» [1, с. 434].

С американскими социалистами Горький воочию познакомился тоже в Саммер Брук. 19 августа (1 сентября) он писал Е. П. Пешковой: «Послезавтра здесь у некоего Джона Мартина съедется человек сто, кажется социалистов-фабианцев. Буду смотреть. Они ко мне придут пить чай» [4, с. 212]. Джон и Престиния Мартин — те самые американцы, которые спасли Горького и сопровождающих его М. Ф. Андрееву и Н. Е. Буренина от скандала и травли, разразившихся в Нью-Йорке. После того, как русских отказались принять несколько отелей, супруги Мартин поселили их в своем доме на Стейтен Айленд, а потом увезли в имение «Саммер Брук» («Летний ручей») в горах Адирондаки.

Здесь с 19 по 26 августа (1–8 сентября) 1906 г. состоялся очередной съезд социалистов-фабианцев. Это философско-экономическое течение в начале XX века широко распространилось в США. Возникнув в Англии в конце XIX века, фабианство (или фабианский социализм) объединяло представителей умеренно левого крыла лейбористской партии и многих известных писателей (Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Бертрана Рассела и др.) Признавая необходимость реформирования общества, фабианцы считали, что социализм должен вводиться в жизнь постепенно и медленно. При этом они решительно выступали против революции и диктатуры пролетариата. Делая ставку на профессионализм и интеллектуальность власти, они фактически оправдывали господство «избранных», считая, что они смогут преобразовать существующий строй.

Педагог и поклонник воспитательных теорий Джона Дьюи Д. Мартин был фабианцем. Владелица имения Саммер Брук, полностью разделявшая взгляды мужа, любезно пригласила Горького на их конференцию. Писатель был не прочь познакомиться с фабианцами и выпить с ними чаю. В это время он жил «в большом сарае с железной печью и без потолка. С двух сторон его стены из стекла — огромные выдвигаемые рамы» [4, с. 211]. Здесь он писал повесть «Мать», сюда и пригласил гостей. Впрочем, на конференции он тоже присутствовал.

Сохранились воспоминания одного из участников съезда Д. Спарго, который писал: «Его глаза, казалось, говорили с упреком: “Вы — не социалисты, большинство из вас просто реформисты — вы не сможете понять меня...” Мы беседовали на философские темы, на старую тему об утилитаризме. Горький участвовал в разговоре нехотя, с выражением скуки на лице» [4, с. 475]. Он удивлялся невежеству американцев, ничего не знающих о событиях в России, и высмеивал социал-реформизм.

Понятно, почему писатель признался Е. П. Пешковой, что только в Америке ощутил разницу между революционером и реформатором и только там

понял, каков должен быть настоящий социализм. Побывав в Европе и США, познакомившись с немецкими социал-демократами и американскими фабианцами, он пришел к собственному пониманию социализма как высшей формы духовной жизни, которая может заменить веру в Бога. Сблизившись на Капри с так называемыми «левыми большевиками» (А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский и др.), писатель пошел еще дальше в попытке соединить социализм с религией. Эта идея была заметна уже во второй редакции «Матери», созданной на Капри, но особенно отчетливо проявилась в повести «Исповедь» (1908).

Герой повести Матвей пытается найти истину в вере в Бога, но со временем убеждается, что нет Бога у людей, пока они живут во вражде и рассеянии. Задача же церкви, по его мнению, — «держатъ народишко в крепкой узде». Сопоставляя божеское и человеческое, он приходит к выводу, что нужно создать нового бога, «бога красоты и разума, справедливости и любви». Таким он считает «неисчислимый мировой народ», «народушко бессмертный», способный творить чудеса. В финале повести чудо исцеления парализованной девушки совершает слитая воедино коллективная воля людей, испытывающих чувство духовного единства. Чем не доказательство зависимости веры от воли по У. Джемсу! Можно сказать, что идея богостроительства возникла в творчестве Горького не без влияния идеалистических концепций американских прагматистов.

После краха каприйской партийной школы и временной размолвки с Лениным и Богдановым, Горький не переставал следить за развитием идей прагматизма, тем более что в России продолжались ярые споры по коренным вопросам философии и оценка новейших достижений науки. Об этом свидетельствуют не только книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), Богданова «Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. Вера и наука» (1910), сборники «Очерки по философии марксизма» (1908), «Очерки философии коллективизма» (1909), но и работы П. Юшкевича «Материализм и критический реализм» (1908), А. Луначарского «Религия и социализм» (1908), Н. Валентинова «Философские построения марксизма. Диалектический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия» (1908). В 1910 году были изданы на русском языке книги Уильяма Джемса «Многообразии религиозного опыта» и «Прагматизм».

В 1910 г. в московском философском обществе и на страницах журнала «Русская мысль» (№ 5) развернулась дискуссия о прагматизме, за которой

внимательно следил Горький. В докладе С. Л. Франка «Прагматизм как философское течение» говорилось, что это «новое практическое учение, новая проповедь, направленная на пересмотр целей и ценностей человеческой жизни и культуры» [9, с. 90]. С этим можно согласиться, ибо впоследствии прагматизм стал ведущей «школой жизни» в США, утверждая, что смыслом человеческой жизни является умение жить хорошо «здесь и сейчас» и активно добиваться этого.

В дискуссии приняли участие видные философы и критики: Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков, П. Б. Струве, Л. М. Лопатин, Е. Н. Трубецкой и др. Обобщая смысл их статей, Горький в письме А. Богданову назвал это прагматизмом «в изложении ренегатов демократии». Около 17 (30) июня 1910 г. он писал: «Мне кажется, что и мистика, и Бог, и все прочее, утверждаемое ими, в конце-то концов — только желание разделаться с этой гипертрофией “Я”... Рабам требуется иной владыка» [5, с. 85].

Можно сделать вывод, что в 1910 г. Горький критически отнесся к попыткам утвердить и в России «новое понимание целей и ценностей человеческой жизни и культуры», основанное на безусловной гипертрофии личности. Демократ и коллективист, он по-прежнему верил в необходимость революционного изменения жизни, а не ее реформирования. Но это не значит, что труды философов-прагматистов не оказали влияния на формирование его взглядов. Именно в творчестве писателя 1910-х гг. начинает проявляться пристальное внимание к изображению внутреннего мира человека и психологии толпы, характерное для Горького в позднем творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. Т. 6, 7. М.: Наука, 1970. 482 с.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. Т. 8. М.: Наука, 1970. 402 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 1. М.: Наука, 1997. 387 с.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 5. М.: Наука, 1999. 394 с.
5. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 7. М.: Наука, 2001. 372 с.
6. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 351 с.
7. Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 465 с.
8. Горький М. История русской литературы. М., 1939. 256 с.
9. Русская мысль. 1910. № 5. С. 87–92.
10. William Jams in Russian Culture. New-York—Oxford, 2003. 354 p.